

БЮРО ЗАВТРАШНИХ ПРОПАЖ

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ



Леон Ренвелл

Бюро завтрашних пропаж

<https://litres.ru/74684193>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старом бюро находок приморского Грейпорта вещи появляются раньше, чем их теряют. Нора Вейл приехала в город, чтобы разобрать наследство тёти и продать доставшееся ей бюро. Но однажды в запёртом ящике она обнаруживает разбитые карманные часы с биркой «Среда. 11:42».

Проблема в том, что сейчас вторник. А владелец часов по-прежнему носит их с собой — целые и исправные. Попытка разгадать эту невозможную загадку приводит Нору к трагедии двадцатидвухлетней давности, исчезнувшим из официальных документов минутам и людям, которые слишком долго скрывали правду.

У бюро есть одно правило: не возвращать вещь до того, как её потеряют. Но что произойдёт, если попытаться изменить не только судьбу вещи, но и человека?

Атмосферный мистический детектив о тайнах прошлого, загадках времени и цене решений, которые невозможно отменить.

Леон Ренвелл

Бюро завтрашних пропаж

Глава 1. Вещи, которые ещё не потеряны

Часы появились в запертом ящике ровно в шесть тринадцатый утра. Нора Вейл знала точное время, потому что как раз смотрела на настенные часы, размышляя, насколько неприлично будет открыть бутылку вина до завтрака. До этого ящик был пуст.

Она проверила его дважды: сначала искала запасные ключи, затем — документы на здание. Ключей не оказалось. Документов тоже. Только пыль, засохшая муха и царапина на внутренней стороне деревянной стенки. Теперь там лежали старинные карманные часы.

— Прекрасно, — произнесла Нора. — Кажется, у нас завелись мыши с антикварным образованием.

Она осторожно достала находку. Серебряный корпус холодила пальцы; металл был влажным. По крышке тянулась глубокая царапина, похожая на силуэт летящей чайки. Стекло треснуло, стрелки остановились на одиннадцати сорока двух. На цепочке темнело пятно. Она повернула часы к свету.

В прежней жизни она семь лет занималась расследованием сомнительных страховых случаев. Ей доводилось видеть, как люди поджигали собственные гаражи, инсцениро-

вали угоны автомобилей и однажды пытались получить компенсацию за яхту, которая, как выяснилось, никогда не существовала.

Поэтому она давно усвоила простое правило: даже у самой нелепой истории обычно есть вполне материальное объяснение. Нужно только найти человека, который врёт. Но объяснить, как предмет появился внутри запертого ящика, было затруднительно. Нора перевернула часы. На задней крышке были выгравированы две буквы:

Е. В.

Рядом обнаружилась бумажная бирка, привязанная тонкой красной ниткой. На ней аккуратным почерком значилось:

СРЕДА. 11:42.

Нора сверилась с телефоном. Вторник. Она снова осмотрела ящик, проверила заднюю стенку, заглянула под стол. Никаких потайных отверстий. Никаких механизмов. Дажемышь, если бы она действительно существовала, не смогла бы пробраться внутрь. За окном просыпался Грейпорт.

Ветер гнал по пустой улице клочья морского тумана. Через дорогу открывалась маленькая пекарня, и запах свежего хлеба проникал даже сквозь закрытые окна. Нора приехала сюда восемнадцать дней назад, чтобы похоронить тётю Эвелин, разобрать её вещи и продать доставшееся в наследство бюро находок. На всё она отвела неделю.

К концу третьей недели не разобрала даже половины по-

мещений. Тётя оставила после себя удивительное количество чужого имущества: одиннадцать зонтов, сорок три отдельных ключа, коллекцию шарфов и целый шкаф предметов, назначение которых Нора не могла определить. А ещё — толстую конторскую книгу.

Она лежала на прилавке, раскрытая на странице с датой сегодняшнего дня. Нора машинально посмотрела на записи. Вторник. Зонт с жёлтой ручкой.

Детская варежка. Карманные часы. Э. Б. Последняя строчка была написана красными чернилами. Под ней стояло предупреждение:

Не возвращать до момента пропажи.

Нора прочитала его трижды. Затем закрыла книгу. Потом открыла снова. Буквы никуда не исчезли.

— Тётя Эвелин, — тихо сказала она, — в какую же чёртову историю ты меня втянула?

* * *

В девять утра Нора уже стояла перед мастерской Эдварда Белла. Вывеска над дверью сообщала, что здесь ремонтируют часы с 1978 года. За стеклом витрины покачивались маятники, а на полках теснились механизмы, которым давно пора было отправиться на заслуженный отдых.

Хозяин оказался высоким седовласым мужчиной с внимательными глазами.

— Мисс Вейл? — спросил он, едва увидев её. — Я слышал о вашей тёте. Мои соболезнования.

— Спасибо. Кажется, у меня есть кое-что ваше.

Она положила находку на прилавок. Мужчина застыл и не сразу решился достать из кармана жилета другие часы. Точнее, те же самые.

Одинаковый серебряный корпус. Одинаковая гравировка. Даже царапина в форме летящей чайки была на том же месте. Различалось только одно. Часы, лежавшие на прилавке, были разбиты. А те, что держал Эдвард Белл, исправно тикали.

Молчание затянулось. Наконец часовщик поднял глаза.

— Если они уже у вас, мисс Вейл, — сказал он, — значит, у нас остался всего один день.

Глава 2. Два экземпляра

В мастерской было столько часов, что тишины здесь, вероятно, не случалось последние сто лет.

Настенные, напольные, карманные. С маятниками, кукушками, позолоченными стрелками и потемневшими циферблатами. Каждые отсчитывали секунды немного по-своему, отчего помещение напоминало комнату, полную людей, которые одновременно пытаются что-то прошептать. Нора смотрела на часы в руках Эдварда Белла.

Потом на те, что лежали на прилавке.

— Один день до чего? — спросила она.

Старик осторожно положил свои часы рядом с её находкой.

— До того, как я их потеряю.

— Вы довольно уверенно это говорите.

— Хотел бы я ошибаться.

Нора скрестила руки.

— Давайте уточним. У вас имеются старинные часы. У меня — такие же, только разбитые и, возможно, испачканные кровью. Вы видите их и сразу решаете, что завтра произойдёт нечто ужасное. Я правильно понимаю?

— Не совсем.

— Отлично. Значит, хотя бы в чём-то мы согласны.

Эдвард ничего не ответил. Вместо этого он достал из-под прилавка большую лупу, зажёл настольную лампу и принялся рассматривать оба предмета. Нора наблюдала за его руками. Они слегка дрожали, однако движения оставались точными. Старик умело повернул одни часы, затем другие, сопоставил царапины и открыл задние крышки.

— Посмотрите сюда.

Он протянул ей лупу. На внутренней стороне крышки виднелась крошечная неровность, похожая на вмятину от острого инструмента.

— И что?

— Мне было семнадцать, когда я её оставил. Пытался самостоятельно починить механизм. Отец потом три дня со мной не разговаривал.

Он указал на вторые часы. Там была точно такая же вмятина. Нора придвинулась ближе. Даже под увеличением она не смогла найти различий.

— Любопытно, — сказала она.

— Только любопытно?

— Я семь лет расследовала страховое мошенничество, мистер Белл. Поверьте, если бы я начинала верить в сверхъестественное после каждого странного совпадения, мне пришлось бы признать существование очень большого числа чудес. Особенно в бухгалтерских отчётах.

Эдвард неожиданно улыбнулся. Улыбка быстро исчезла, когда он посмотрел на разбитое стекло.

— Когда часы появились?

— Сегодня утром.

— В шесть тринадцать?

Нора перестала улыбаться.

— Откуда вы знаете?

Старик закрыл лупу.

— Потому что в бюро всё начинается в шесть тринадцать.

— Что именно начинается?

— Приём.

Нора помолчала, подбирая слова, и выдохнула.

— Вы понимаете, насколько это странно звучит?

— После двух одинаковых часов? Не особенно.

Как ни досадно, в этом ответе была своя логика. Эдвард обошёл прилавок и перевернул табличку на входной двери.

ЗАКРЫТО.

— Я расскажу вам то, что знаю, — сказал он. — Но сначала вы должны кое-что пообещать.

— Зависит от того, что именно.

— Не отдавайте мне эти часы до завтрашнего дня. До одиннадцати сорока двух.

— Почему?

— Потому что я ещё не потерял свои.

На прилавке лежали два одинаковых серебряных корпуса — словно фотографии «до» и «после» неудачного эксперимента.

— А если я их отдам?

— Эвелин никогда так не поступала.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Нора взяла разбитые часы и осторожно завернула их в бумажную салфетку.

— Значит, тётя знала обо всём?

— Эвелин знала гораздо больше меня.

— И не подумала ничего рассказать единственной племяннице?

— Боюсь, ей самой понадобились годы, чтобы привыкнуть.

В голосе Эдварда прозвучала такая усталость, что Нора на мгновение перестала считать всё происходящее тщательно подготовленной шуткой. Но лишь на мгновение.

— Хорошо, — сказала она. — Предположим, ваше бюро действительно получает вещи до того, как их потеряют. Почему именно эти? В Грейпорте ежедневно теряют сотни

предметов.

— Не знаю.

— Почему за день?

— Не знаю.

— Почему в шесть тринадцать?

— Тоже не знаю.

— Для человека, который собирался всё объяснить, у вас впечатляющий набор ответов.

Эдвард выдержал её взгляд.

— Я знаю лишь, что иногда вещи появляются раньше своей пропажи. И если на них есть повреждения, значит, они получены в тот момент, когда эти повреждения уже существуют.

— А кровь?

— Она тоже появилась откуда-то из завтрашнего дня.

Нора снова развернула салфетку. На серебряной цепочке действительно виднелось тёмно-бурое пятно.

— Вы уверены, что это кровь?

— Нет.

— Но думаете, что да?

— Да.

— И чья?

Эдвард медленно покачал головой.

— Вот этого я боюсь узнать.

Нора подняла часы под свет лампы. Рядом с треснувшим стеклом обнаружилось то, чего раньше она не заметила: кро-

хотная сине-зелёная частица, застрявшая между корпусом и ободком. Похоже на краску. Она хотела показать её Эдварду, но в этот момент колокольчик над дверью звякнул.

В мастерскую вошла женщина в тёмно-синем плаще. В одной руке она держала промокшую папку, в другой — сложенный зонтик.

— Эдвард, я звонила тебе три раза. Почему ты не...

Женщина осеклась, увидев Нору.

— Простите. Не знала, что у тебя посетитель.

— Мэй, сейчас не самое подходящее время, — сказал часовщик.

— Подходящее время закончилось ещё вчера.

Женщина положила папку на прилавок. Ей было около сорока пяти. Каштановые волосы собраны в небрежный пучок, на переносице сидели очки в тонкой оправе. Она выглядела как человек, который пришёл сообщить неприятные новости и заранее решил не тратить время на вежливые вступления.

— Мэй Куинн, — представилась она Норе. — Архив Морского музея.

— Нора Вейл.

Женщина удивлённо подняла брови.

— Племянница Эвелин?

— Да.

— Мы были знакомы с вашей тётей. Очень жаль, что её не стало.

Нора ответила кивком. За восемнадцать дней она выслу-

шала столько соболезнований, что научилась принимать их почти автоматически. Мэй тем временем заметила часы.

— Это те самые?

Эдвард резко накрыл разбитый экземпляр ладонью.

— Мэй.

— Что?

— Не сейчас.

Она посмотрела на него, затем на Нору.

— Вы уже успели рассказать ей?

— Только часть.

— Тогда, возможно, лучше рассказать остальное. Потому что завтра ждать будет некогда.

Нора выпрямилась.

— Потрясающе. Теперь уже два человека уверены, что завтра случится что-то плохое. Может быть, мне наконец объяснят, что именно?

Мэй сняла очки.

— Завтра в половине двенадцатого начнётся проверка второго портового шлюза. Старый пирс. Вы знаете, где это?

— Примерно.

— Эдвард должен был помочь мне осмотреть сохранившиеся документы и оборудование до начала испытания.

— Зачем часовщик нужен при проверке шлюза?

— Потому что много лет назад он обслуживал систему часов и сигнализации в порту, — ответила Мэй. — А ещё потому, что он один из немногих людей, которые помнят со-

бытия две тысячи четвёртого года.

Эдвард отвернулся к окну.

— Что произошло в две тысячи четвёртом?

Мэй открыла папку. Внутри лежали несколько пожелтевших фотокопий.

— Во время сильного шторма второй шлюз не закрылся вовремя. Нижние склады затопило. Один человек погиб. После проверки город объявил, что механизмы были исправны, а причиной происшествия стала ошибка дежурного.

— И?

— Два месяца назад я занималась оцифровкой старого архива. Обнаружила два экземпляра одного технического акта. Одинаковая дата, одинаковый номер, но разное содержание.

— Такое бывает, — заметила Нора. — Черновик и утверждённая редакция.

— Бывает. Только один акт утверждает, что оборудование прошло проверку. А во втором указано, что шлюз был неисправен ещё до шторма.

Нора перестала смотреть на часы.

— Подписи?

— На обоих стоят подписи.

— Оригиналы сохранились?

— Пока нет. Только копии.

— А человек, который их подписывал?

— Умер одиннадцать лет назад.

Нора протянула руку.

— Можно взглянуть?

Мэй повернулась к Эдварду.

— Я же говорила, что она сможет помочь.

— Вы обо мне говорили? — спросила Нора.

— Ваша тётя упоминала, чем вы занимаетесь. Когда я обнаружила документы, Эвелин тяжело болела, и я не стала тревожить её находкой. А после её смерти подумала, что вы могли бы разобраться.

Нора взяла бумаги. На первой странице значилось:

АКТ ТЕХНИЧЕСКОГО ОСМОТРА № 27/04.

Ниже шли десятки строк с номерами узлов, датами обслуживания и результатами измерений. В двух местах данные расходились. Нора сфотографировала обе страницы.

— Вы обращались в полицию?

— С копиями двадцатилетних документов? — Мэй поправила очки. — Там сказали, что нужны основания считать подделку связанной с преступлением. Я пока не могу доказать даже то, какая версия настоящая.

— Значит, вы собираетесь идти в старое техническое помещение во время проверки работающего шлюза?

— До проверки, — уточнила Мэй.

— Существенная разница.

Эдвард наконец повернулся.

— Нора, я не хочу, чтобы вы туда вмешивались.

— Удобно, — сказала она. — Сначала показываете мне часы с возможными следами крови, затем сообщаете, что

завтра собираетесь в место, где двадцать лет назад погиб человек, а теперь предлагаете не вмешиваться.

— У вас собственные дела.

— Именно. Я собиралась продать бюро и уехать. Но кто-то, похоже, приложил немало усилий, чтобы испортить мне расписание.

Эдвард тяжело вздохнул.

— Завтра я просто посмотрю на старые механизмы. И сразу уйду.

Нора узнала этот тон. Так обычно разговаривали клиенты, которые утверждали, что совершенно случайно забыли сообщить страховщику о трёх предыдущих пожарах.

— Вы что-то недоговариваете, мистер Белл.

— Возможно.

— Значит, нам всё-таки есть о чём поговорить.

Мэй осторожно убрала бумаги обратно в папку.

— Тогда приходите сегодня в архив. Я покажу вам остальные материалы. И объясню, почему мне не нравится решение муниципалитета именно сейчас проводить испытание старого оборудования.

— Кто назначил проверку? — спросила Нора.

— Муниципальный отдел благоустройства. Программу курирует Марго Финч.

Эдвард едва заметно сжал губы. Нора заметила это. И ничего не сказала. Когда она вышла из мастерской, дождь прекратился.

Над Грейпортом висели низкие облака, и чайки лениво кружили над крышами, словно выбирая, на чью машину оставить очередное доказательство своего существования. Нора остановилась возле информационного щита у тротуара. На нём висело свежее объявление.

СРЕДА. 11:30–12:00.

ПЛАНОВОЕ ИСПЫТАНИЕ ПОРТОВОГО ШЛЮЗА № 2.

ДОСТУП НА НИЖНИЙ ПИРС ЗАКРЫТ.

Под объявлением стояла печать муниципалитета. Нора достала из кармана разбитые часы. Одиннадцать сорок две. Двенадцать минут после начала испытания.

Она сфотографировала объявление, убрала телефон и направилась обратно к бюро. Всю дорогу её занимали три вопроса. Кто изготовил второй экземпляр часов? Почему человек, знающий об опасности, всё равно собирается на старый пирс?

И какого чёрта тётя Эвелин оставила ей в наследство не нормальную квартиру с видом на море, а организацию, в которой даже потерянные вещи имели собственное расписание? Вернувшись, Нора положила часы в верхний ящик прилавка. На этот раз она заперла его. Потом открыла толстую конторскую книгу.

ВТОРНИК.

Зонт с жёлтой ручкой. Детская варежка. Карманные часы. Э. Б. Нора прочитала записи и направилась к стеллажам.

Если кто-то решил устроить спектакль с часами, возможно, остальные вещи помогут разобраться в декорациях. Зонт нашёлся почти сразу. Старый, с жёлтой пластиковой ручкой и маленькой трещиной у основания. А вот детскую варежку пришлось поискать. Она лежала в низкой деревянной чаше за прилавком.

Фиолетовая, вязаная, с белой звёздочкой на тыльной стороне. Один из лучей был немного кривым, явно вышитым вручную. У большого пальца распустилось несколько петель. К варежке была прикреплена бумажная бирка.

СРЕДА. 16:08.

Нора положила её на стол.

— Значит, завтра, в четыре восемь, — пробормотала она.

В этот момент за окном раздался детский смех. По тротуару шла женщина с маленькой девочкой в красной куртке. Девочка подпрыгивала на каждой второй плитке, старательно избегая трещин между ними. На руках у неё были фиолетовые варежки. Нора застыла.

Когда девочка приблизилась к окну бюро, одна из её рук оказалась совсем рядом со стеклом. На варежке виднелась белая звёздочка. Один из лучей был вышит немного криво. Нора перевела взгляд на варежку, лежавшую у неё на столе.

Такая же. Только у девочки все петли возле большого пальца были целы.

— Ну конечно, — прошептала Нора.

Она подошла к двери, но девочка с матерью уже сверну-

ли за угол. Нора осталась стоять у окна. Часы можно подделать. Документы можно подделать. Даже две одинаковые варежки, при достаточном желании, можно связать. Но кто-то должен был заранее знать, что девочка пройдёт мимо этого окна именно сейчас.

И что завтра на её варежке распустятся петли. Нора посмотрела на бирку.

СРЕДА. 16:08.

До проверки оставалось чуть больше суток. Она достала телефон и открыла календарь. На завтрашний день у неё были запланированы звонок агенту по недвижимости и встреча с потенциальным покупателем здания. Нора отменила оба мероприятия.

Восемнадцать дней она искала причину поскорее уехать из Грейпорта. Теперь, похоже, впервые нашла причину остаться.

Глава 3. Шесть тринадцать

К полудню Нора составила список из семи возможных объяснений происходящего. Первое — кто-то разыгрывает её. Второе — у неё начались галлюцинации. Третье — в здании существует тайный проход, через который неизвестный оставляет вещи.

Четвёртое — тётя Эвелин организовала чрезвычайно сложную мистификацию, рассчитанную на исполнение после собственной смерти. Пятое — Нора каким-то образом

оказалась участницей социального эксперимента. Шестое — всё перечисленное одновременно. Седьмое она оставила пустым.

В конце концов, если человеку приходится выбирать между потусторонними силами и неизвестными злоумышленниками, полезно оставить место для варианта, о котором он ещё не подумал.

Нора сидела за старым дубовым столом в задней комнате бюро. Перед ней лежали конторская книга, раскрытый блокнот и три фотографии, сделанные на телефон. На первой были разбитые часы Эдварда Белла. На второй — фиолетовая варежка с белой звёздочкой. На третьей — объявление о завтрашнем испытании портового шлюза.

11:42.

Это время не выходило у неё из головы. Она обвела его в блокноте и написала рядом:

Совпадение?

Затем добавила:

Возможная кровь. Сине-зелёная краска. Старый пирс.

В обычном расследовании она начала бы с проверки происхождения часов. Выяснила бы, кто имел доступ к мастерской, существовали ли другие экземпляры этой модели, где можно было приобрести похожий корпус. Но часы в этой истории были не самой странной частью. Самой странной была конторская книга.

Нора перевернула несколько страниц. Записи за предыду-

щие дни выглядели вполне обыденно. Понедельник. Серебряная серьга. Возвращена. Воскресенье. Ключ от автомобиля. Не востребован.

Суббота. Мужской шарф. Возвращён владельцу. И так далее. Однако в графе даты обнаруживалась закономерность: вещи поступали в бюро накануне дня, указанного на прикреплённых к ним бирках. Нора взяла увеличительное стекло, найденное в верхнем ящике стола.

Её заинтересовал почерк. Записи за прошлый месяц были сделаны рукой Эвелин — немного неровные, с длинными наклонными буквами. Записи за последнюю неделю выглядели точно так же. Включая сегодняшнюю.

Нора провела пальцем по строчке:

Карманные часы. Э. Б.

Чернила были чёрными и совершенно сухими. Восемнадцать дней назад Эвелин похоронили. Нора закрыла книгу.

— Нет, — сказала она пустой комнате. — Мы пока не будем разбираться ещё и с этим.

Потом открыла её снова. В нижней части страницы обнаружилась почти незаметная графа, которую Нора раньше принимала за декоративную линию.

Время поступления: 06:13.

Она пролистала книгу на несколько страниц назад. Там было то же самое. Шесть тринадцать. Ещё страница.

Шесть тринадцать. Будто у бюро был свой распорядок — установленный на редкость пунктуальным безумцем. Теле-

фон завибрировал. Незнакомый номер.

— Нора Вейл?

— Смотря кто спрашивает.

— Мэй Куинн. Мы виделись у Эдварда.

— Конечно. Простите, я отвлеклась.

— Вы сможете приехать в архив сегодня?

— Планировала после обеда.

— Тогда лучше прямо сейчас.

В голосе Мэй слышалось раздражение.

— Что-то случилось?

— У нас полиция.

Нора посмотрела на часы.

— Надеюсь, это не связано с тем, что я вчера припарковалась возле вашего музея.

— Нет. Хотя, судя по тому, как этот человек задаёт вопросы, он вполне может заинтересоваться и парковкой.

* * *

Морской музей Грейпорта располагался в бывшем здании таможни. Его кирпичные стены помнили времена, когда город ещё зарабатывал на рыболовстве, торговых судах и незаконном ввозе алкоголя — три занятия, которые, если верить местным хроникам, иногда осуществлялись одним и тем же экипажем. Нора вошла через боковую дверь.

Внутри пахло бумагой, старым деревом и средством для мытья полов. За длинным столом сидел мужчина в тёмной куртке. Перед ним стояла чашка кофе, к которой он, похоже,

не притрагивался. Мэй расположилась напротив, разложив перед собой папки.

— Вот и она, — сказала Мэй.

Мужчина повернулся. На вид ему было лет тридцать семь. Тёмные волосы, внимательные серые глаза, небольшая складка между бровями. Лицо человека, который привык выслушивать неправдоподобные истории и давно перестал удивляться, насколько серьёзно их рассказывают. Он под-
нялся.

— Джона Рид. Полиция Грейпорта.

— Нора Вейл.

Они пожали руки.

— Вы та самая племянница Эвелин?

— Похоже, в этом городе это моя официальная должность.

Джона чуть улыбнулся.

— Эвелин помогала многим людям.

— Пока я узнала только о том, скольким людям она помогала терять вещи.

— Удивительно точное описание.

Мэй выразительно постучала пальцем по столу.

— Если вы закончили знакомиться, возможно, мы вернёмся к документам?

Джона сел.

— Как я уже говорил, мисс Куинн, сам факт существования двух разных копий документа ещё не доказывает под-

делку.

— Зато прекрасно доказывает, что одна из них не соответствует другой.

— С этим трудно спорить.

Нора придвинула стул.

— Можно начать сначала?

Мэй разложила перед ней два документа. Оба назывались одинаково:

АКТ ТЕХНИЧЕСКОГО ОСМОТРА № 27/04.

Одна и та же дата. Одинаковые подписи. Одинаковая печать. Но содержание нескольких пунктов различалось.

В первом акте было указано, что оборудование второго шлюза прошло технический осмотр без существенных замечаний. Во втором перечислялись неисправности аварийного привода, датчика положения затвора и системы оповещения. Нора пробежала глазами таблицы.

— Откуда у вас вторая копия?

— Нашла среди документов бывшего начальника порта,
— ответила Мэй. — Его архив передали музею после смерти.

— А первая?

— Муниципальный архив. Она считается официальной.

— Оригиналы?

— Пока недоступны.

Нора положила оба листа рядом. Верхние части документов совпадали почти идеально. Различия начинались с раздела технических замечаний.

— Возможно, это предварительная версия, — сказала она. — Или исправленный акт.

— Я тоже так подумала, — ответила Мэй. — Но обе копии содержат отметку об утверждении. Причём одной и той же датой.

— Это уже интереснее.

Джона сделал пометку в блокноте.

— Интереснее — не значит преступнее.

— Вы всегда настолько оптимистичны? — спросила Нора.

— Только до обеда.

Его кофе оставался нетронутым.

— Полагаю, сегодня тяжёлый день.

— Вы не представляете.

Мэй достала ещё один лист.

— Это приложение к акту. Хронология аварии.

Нора взяла документ. В верхней части стояла дата шторма 2004 года. Ниже — короткая таблица. 06:13 — сработало предупреждение системы.

06:27 — зафиксирован отказ затвора. 06:31 — начало затопления нижних складов.

— По официальному заключению дежурный не отреагировал на предупреждение, — объяснила Мэй. — Комиссия посчитала, что четырнадцати минут было достаточно, чтобы остановить механизм вручную.

Нора перечитала цифры. Шесть тринадцать. Она медленно положила лист на стол.

— А в другой версии?

Мэй передала ей следующую страницу. Там были те же события. Но время первого предупреждения отличалось. 06:25 — сработало предупреждение системы.

06:27 — зафиксирован отказ затвора. 06:31 — начало затопления нижних складов. Нора сравнила таблицы. Двенадцать минут.

В одной версии у дежурного было четырнадцать минут, чтобы предотвратить аварию. В другой — всего две.

— А вот это уже существенно, — сказала она.

Мэй кивнула.

— Именно.

— Если второй документ отражает реальные события, официальная комиссия фактически возложила ответственность на человека, у которого почти не было времени отреагировать.

— Поэтому я и хочу получить журналы системы управления.

Джона наклонился к документам.

— Мне потребуется проверить происхождение этих копий. И выяснить, сохранились ли оригинальные записи оборудования.

— Вы можете запросить их официально? — спросила Мэй.

— Могу попытаться. Но если они вообще сохранились, то, вероятнее всего, находятся в муниципальном хранилище

или техническом архиве порта.

Нора указала на вторую строку.

— А почему в обоих документах совпадает время отказа затвора?

— Хороший вопрос, — ответил Джона.

— Допустим, кто-то изменил только время первого предупреждения. Это позволило бы представить обычную техническую неисправность как ошибку оператора.

— Допустим, — согласился он. — Но пока мы не знаем, какой документ был составлен первым.

Мэй вздохнула.

— Поэтому завтра мы и хотели осмотреть оборудование.

— Завтра проводится испытание, — заметил Джона. — Это не лучшее время для самостоятельных прогулок по техническим помещениям.

— Нам нужно попасть туда до начала работ.

— И для этого требуется разрешение.

Мэй сняла очки и положила их на стол.

— Оно у нас есть. Но теперь я не уверена, что нам вообще разрешат приблизиться к старой аппаратной.

— Почему? — спросила Нора.

— Потому что вчера Марго Финч потребовала отложить нашу проверку архивных журналов до завершения испытания.

Джона поднял голову.

— Она назвала причину?

— Режим безопасности.

— Вполне возможная причина.

— Конечно. Только раньше безопасность никого особенно не интересовала.

Нора задумалась. Старое оборудование. Два противоречивых акта. Завтрашняя проверка.

Разбитые часы. И время, которое повторялось слишком часто. Шесть тринадцать. Она достала телефон и открыла фотографию конторской книги.

Внизу страницы было написано:

Время поступления: 06:13.

— Мисс Вейл?

Нора подняла глаза. Джона смотрел на неё.

— Вы хотели что-то сказать?

Она на мгновение задумалась. Рассказывать полицейскому, что её покойная тётя оставила магическое бюро находок, которое получает предметы из будущего, казалось не лучшим способом произвести хорошее первое впечатление.

— Пока нет, — ответила она.

— Вы очень внимательно посмотрели на время.

— У меня профессиональная привычка обращать внимание на цифры.

— Полезная привычка.

Он закрыл блокнот.

— Давайте сделаем следующее. Я уточню, кто отвечает за безопасность испытания, и передам информацию о проти-

воречиях в документах. Попросим техническую проверку и оценку оснований для переноса работ. Но пока мы не установили подлинность копий, говорить о намеренной подделке преждевременно.

Нора ответила кивком. Это было разумно. Даже досадно разумно. Она предпочла бы услышать, что завтра все работы отменяются, полиция оцепляет порт и никто никуда не пойдёт.

Но в действительности у неё пока не было ничего, кроме неподтверждённых документов и карманных часов, которые, с точки зрения обычного человека, просто могли принадлежать другой партии того же производителя.

— Есть ещё кое-что, — сказала она.

Джона остановился у двери.

— Слушаю.

— Завтра в районе одиннадцати сорока двух мистеру Беллу, возможно, будет угрожать опасность.

Выражение лица полицейского изменилось. Исчезла лёгкая ирония.

— Какая именно опасность?

— Я не знаю.

— Почему вы называете конкретное время?

Нора выдохнула.

— Потому что у меня есть предмет, который может быть с этим связан.

— Какой предмет?

— Разбитые карманные часы. На них есть вещество, похожее на кровь. И следы краски.

Джона некоторое время молчал.

— Где они?

— В бюро.

— Кто их обнаружил?

— Я.

— При каких обстоятельствах?

Вот и настал тот момент, которого Нора весь день пыталась избежать.

— Обстоятельства, — произнесла она, — довольно необычные.

— В моей работе это слово встречается часто.

— Они появились внутри запертого ящика.

Мэй опустила глаза. Джона не улыбнулся.

— Кто имел доступ к ящику?

— Насколько мне известно, только я.

— Вы уверены, что часы не лежали там раньше?

— Уверена.

Он выдержал паузу.

— Хорошо. Я хочу увидеть их лично. Если есть подозрение на кровь, предмет нужно сохранить без дальнейших манипуляций. А если вы опасаетесь за жизнь Белла, я должен понимать, почему.

— Можно мы сначала получим подтверждение от него самого? — спросила Нора.

— Подтверждение чего?

Она снова посмотрела на часы в телефоне.

— Что у него до сих пор имеются точно такие же часы. Только целые.

Джона согласился встретиться с Эдвардом и проверить предупреждение. Мэй осталась в архиве заниматься документами, а Нора вернулась к бюро пешком. День становился пасмурнее. Ветер усилился, и над крышами домов быстро проплывали рваные облака.

У входа она обнаружила маленький конверт. Он был засунут между дверью и косяком. На конверте от руки значилось:

Для новой хозяйки.

Нора насторожилась. Она оглянулась. Улица была почти пуста. Мимо проехал велосипедист. Возле пекарни двое мужчин спорили о цене ремонта рыбацкого катера.

Ничего подозрительного. Нора открыла конверт. Внутри оказалась фотография. Старая, немного выцветшая.

На ней стояли четверо человек возле портового здания. Эвелин — значительно моложе, с короткими тёмными волосами. Рядом с ней — Эдвард Белл. Третий человек был одет в рабочую куртку с эмблемой порта.

Четвёртый стоял чуть в стороне. Мужчина лет тридцати, худой, с узким лицом и светлыми волосами. На обороте кто-то написал:

Ноябрь 2004 года.

Ниже, другим почерком:

Не все тогда говорили правду.

Нора внимательно осмотрела фотографию. Никаких подписей. Никакой фамилии отправителя. Возможно, кто-то просто решил помочь.

А возможно, напротив, хотел направить её по определённому следу. В работе страхового расследователя Нора давно усвоила: анонимные подсказки бывают полезными, но гораздо полезнее выяснить, почему неизвестный человек предпочёл остаться неизвестным. Она положила фотографию на стол рядом с бумагами Мэй.

Затем открыла шкаф, где хранились старые конторские книги. Самая ранняя была датирована 2004 годом. Нора нахмурилась. Все остальные журналы стояли в хронологическом порядке.

Этот лежал отдельно, в картонной коробке. Она достала его. Обложка была потёртой, уголки загнулись от времени. На первой странице Эвелин написала:

Учёт поступивших вещей.

Ниже:

Начато в ноябре 2004 года.

Нора перевернула лист. И остановилась. В первой строке значилось:

06:13.

Она прочитала запись целиком. Первый предмет. Латунный ключ. Маркировка II. Время поступления — 06:13.

Предполагаемая пропажа — завтра, 06:25. Место — второй портовый шлюз. На полях красными чернилами было добавлено:

Эдвард предупреждён.

Нора почувствовала неприятный холодок. Шесть двадцать пять. Именно такое время было указано во второй версии аварийного отчёта. Она перевернула страницу.

Там была ещё одна запись, сделанная позже и явно в спешке. Ключ потерян в указанное время. Вернуть не удалось. Под этим стояли два слова.

Написанные крупно, с такой силой, что перо местами продавilo бумагу.

НЕ УСПЕЛА.

Нора долго смотрела на эту запись. Тётя Эвелин получила ключ за день до аварии. Она знала место и время будущей пропажи. Она предупредила Эдварда.

И всё равно один человек погиб. Нора медленно закрыла журнал. Получалось, что необычное бюро начало принимать вещи именно перед катастрофой, которую официально объяснили ошибкой человека. Катастрофой, в документах которой обнаружились лишние двенадцать минут.

Она посмотрела на разбитые часы, лежавшие в запёртом ящике. Впервые за день ей стало по-настоящему страшно. Не потому, что вещи могли появляться из будущего. И даже не потому, что кто-то оставил у её двери загадочную фотографию.

А потому, что двадцать два года назад Эвелин уже пыталась воспользоваться предупреждением бюро. И, судя по последней строчке, ничего не смогла изменить. Телефон Норы зазвонил. На экране высветился незнакомый номер.

Она ответила.

— Нора Вейл?

Голос был мужской. Тихий, немного хриплый.

— Да.

— Вы сегодня были у Мэй Куинн?

Нора выпрямилась.

— Кто спрашивает?

— Не позволяйте Эдварду завтра спускаться в аппаратную.

— Почему?

На другом конце несколько секунд молчали. Затем мужчина сказал:

— В прошлый раз он тоже думал, что сможет всё исправить.

Связь оборвалась. Нора стояла посреди бюро, держа телефон у уха. За окном громко кричали чайки. На стене тикали старые часы.

И где-то в этом городе человек, знавший о событиях двадцатидвухлетней давности, только что предупредил её о повторении истории.

Глава 4. Четвёртый человек

Нора перезвонила на неизвестный номер четыре раза. Первый раз вызов сбросился почти сразу. Второй раз механический голос сообщил, что абонент недоступен. В третий и четвёртый сеть вообще отказалась устанавливать соединение.

— Прекрасно, — сказала Нора. — Загадочный незнакомец с превосходным чувством драматического момента. Только этого мне и не хватало.

Она записала номер в блокнот и вернулась к фотографии. Четыре человека возле старого портового здания. Эвелин, Эдвард Белл, мужчина в рабочей куртке и незнакомец, стоявший чуть в стороне. Нора рассматривала последнего уже десять минут.

Лет тридцать. Худощавый. Светлые волосы. Правая рука в кармане, левая опущена вдоль тела. На лице выражение человека, который не хотел фотографироваться, но не сумел вовремя отойти. Он смотрел не в объектив. Он смотрел на Эдварда.

Нора увеличила фотографию с помощью телефона. Изображение стало зернистым, однако кое-что удалось рассмотреть. На левом рукаве незнакомца виднелась светлая полоса. Возможно, краска. Возможно, повреждение старой фотографии. А на воротнике — маленький металлический значок. Нора положила снимок под настольную лампу.

Значок имел форму щита. Внутри угадывались две вертикальные линии. Она раскрыла блокнот и записала:

Четвёртый человек. Служащий порта?

Затем посмотрела на надпись на обороте. Не все тогда говорили правду. Само по себе это предупреждение ничего не доказывало. Его мог написать любой человек, включая того, кто хотел заставить Нору усомниться в совершенно невиновных людях. Но было одно обстоятельство, которое ей не нравилось.

Фотографию оставили у двери сразу после того, как она начала интересоваться аварией. Значит, кто-то знал о её расследовании. И этот кто-то предпочитал наблюдать издалека. В дверь постучали.

Нора подняла голову. За стеклом стоял Джона Рид.

— Открыто! — крикнула она.

Полицейский вошёл, стряхивая капли дождя с куртки.

— У вас в городе когда-нибудь бывает хорошая погода?
— спросила Нора.

— Бывает. Обычно в тот день, когда я работаю.

— Сочувствую.

Джона оглядел помещение. Взгляд задержался на старых стеллажах, шкафах с табличками и деревянном прилавке.

— Давно здесь не был.

— Вы приходили к Эвелин?

— Несколько раз. В основном за вещами, которые люди приносили вместо того, чтобы нести в полицию.

— Она всем помогала?

— Не всем. Но старалась.

Нора заметила, что он произнёс это без обычной вежливой интонации. Как будто говорил о человеке, которого действительно знал.

— Вы были близки?

— Моя мать дружила с ней.

Джона снял куртку.

— Вы обещали показать мне часы.

Нора подошла к прилавку.

— Прежде чем мы начнём, я хочу продемонстрировать кое-что ещё.

Она разложила перед ним фотографию, обе копии аварийного акта и снимок страницы из старой конторской книги. Джона задержался над бумагами.

— Вы проделали немалую работу за один день.

— Сама удивляюсь. Обычно для этого мне требуется хотя бы выпить кофе.

Он взял фотографию.

— Где вы её нашли?

— Кто-то оставил под дверью.

— Когда?

— После возвращения из музея.

— Вы видели отправителя?

— Нет.

— Конверт сохранили?

Нора указала на прозрачный пакет.

— Не трогала его после того, как достала фотографию.

Джона одобрительно кивнул.

— Вы уверены, что больше не хотите работать расследователем?

— Абсолютно. Особенно после того, как выяснилось, что в этой профессии приходится разговаривать с полицией.

Он улыбнулся, но продолжил внимательно изучать снимок.

— Узнаёте кого-нибудь? — спросила Нора.

— Эвелин. Белла. Третий, похоже, Артур Лейн. Он руководил технической службой порта.

— Именно он подписывал акты?

— Полагаю, да. Но нужно сверить подписи.

— Мэй сказала, что он умер одиннадцать лет назад.

— Верно. В две тысячи пятнадцатом.

Нора указала на четвёртого.

— А этот?

Джона прищурился.

— Лицо знакомое. Но не могу сказать откуда.

Он перевернул фотографию. Прочитал надпись. После этого его выражение стало серьёзнее.

— Вы сообщили кому-нибудь о том, что нашли старую конторскую книгу?

— Только вам. Мэй пока не знает.

— А Беллу?

— Нет.

— Хорошо. Пока не показывайте её посторонним.

— Боюсь, именно в этот момент вы становитесь одним из самых интересных людей в моей жизни.

— Почему?

— Потому что только что попросили меня никому не рассказывать о книге, содержание которой сами ещё не знаете.

Джона положил фотографию на стол.

— Нора, неизвестный человек оставляет вам документы и звонит с предупреждениями. Я не утверждаю, что здесь совершается преступление. Но если кто-то пытается повлиять на ваши действия, лучше сначала установить, кто это.

Впервые за всё время Нора не нашлась с ироничным ответом. Она открыла ящик. Внутри лежали разбитые часы. Джона надел перчатки, попросил её подробно рассказать, кто и когда прикасался к предмету, затем внимательно осмотрел корпус, стекло и цепочку.

— Пятно может быть кровью, — сказал он. — А может быть ржавчиной или другим веществом. По внешнему виду не определить.

— А сине-зелёная частица?

Он повернул часы к свету.

— Похоже на покрытие. Возможно, краска.

— У старого шлюза металлические механизмы.

— У половины города металлические механизмы.

— Вы очень стараетесь испортить мне красивую теорию.

— Это одна из моих профессиональных обязанностей.

Джона сфотографировал часы и аккуратно поместил их в

отдельную упаковку.

— С вашего согласия заберу их на хранение для проверки. Если вещество действительно окажется кровью, понадобится выяснить происхождение. Но результаты не появятся мгновенно.

Нора ответила кивком.

— Хорошо. Только я хотела бы присутствовать, когда вы будете сравнивать их с часами Белла.

— Я уже договорился с ним о встрече. Сегодня вечером. Он достал блокнот.

— Скажите ещё раз, почему вы считаете, что опасность возникнет именно в одиннадцать сорок две?

Нора проследила за движением его ручки. Ответ был до нелепости простым — и совершенно невозможным. Потому что в бюро появляются вещи, которые потеряют завтра.

Она почти произнесла это вслух. Но вовремя остановилась.

— На часах было указано это время, — сказала она. — И завтра примерно тогда же будут испытывать шлюз.

— Связь косвенная.

— Я знаю.

— А если часы просто разобьют во время испытания, без всякого преступления?

Нора задумалась. Вот об этом она почти не думала. Эдвард увидел разбитые часы, испугался крови и сразу решил, что завтра может погибнуть. Но бирка говорила только о

пропаже.

Не о смерти. Нора вспомнила фиолетовую варежку. Её хозяйка ещё спокойно гуляла по городу, не подозревая, что завтра потеряет одну из них. Возможно, и с часами происходило нечто гораздо менее ужасное, чем все предполагали.

— Тогда, — ответила Нора, — я буду первой, кто с удовольствием признает, что преувеличил опасность.

Джона закрыл блокнот.

— Договорились.

Он уже направлялся к двери, когда Нора остановила его:

— Ещё один вопрос.

— Да?

— Если человек, которого все считали виновным в аварии, захотел бы спустя двадцать два года доказать свою невиновность, с чего бы ему следовало начать?

Джона подумал.

— С подлинных технических документов. Свидетелей. Записей о работе оборудования. Всего, что может подтвердить, как события происходили на самом деле.

— А если эти документы кто-то уничтожает?

Полицейский медленно повернулся к ней.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что завтра собираются испытывать оборудование, которое, возможно, хранит сведения об аварии.

Джона помолчал.

— Я уточню, какие узлы собираются обслуживать, пере-

мешать или демонтировать. И попрошу сохранить все старые журналы и носители записей.

— Это можно сделать?

— Попробовать можно. Сначала нужно узнать, что вообще сохранилось.

Он взял пакет с часами.

— А вы пока не ходите на старый пирс самостоятельно.

— Вам кто-нибудь говорил, что вы необычайно требовательны?

— Регулярно.

Дверь закрылась. Нора осталась одна. На столе лежала фотография четырёх людей, которым двадцать два года назад довелось оказаться возле шлюза. Один из них умер.

Другой боялся завтрашнего дня. Третий тоже был мёртв. А о четвёртом она не знала почти ничего. Пока.

* * *

В половине пятого Нора снова приехала в Морской музей. Мэй встретила её возле лестницы, ведущей в архив.

— Нашли что-нибудь?

— Возможно. Мне нужно посмотреть фотографии порта за ноябрь две тысячи четвёртого.

— Зачем?

Нора показала снимок. Мэй взяла его обеими руками. Несколько секунд смотрела молча.

— Где вы это взяли?

— Анонимный подарок.

— Станный подарок.

— Вы даже не представляете насколько.

Мэй поднесла фотографию к окну. Её взгляд задержался на четвёртом мужчине.

— Боже мой.

— Вы его знаете?

— Кажется, да.

Мэй быстро направилась к шкафам.

— Подождите здесь.

Она достала несколько папок, затем открыла металлический ящик с газетными вырезками. Через пять минут на столе лежал пожелтевший номер «Грейпортского вестника». На первой странице была фотография. Трое мужчин и женщина возле портового здания.

Нора наклонилась ближе. Эвелин. Эдвард. Артур Лейн.

И почти в точности тот же задний план.

— Это тот же снимок, — сказала она.

— Почти, — ответила Мэй.

В газетной версии четвёртого человека не было. Его фигура оказалась за пределами кадра. Нора сравнила два изображения.

— Обрезали справа.

— Газетная полоса узкая. Такое случается.

— Вы меня разочаровываете. Я уже собиралась предположить заговор.

— Не всё необычное — заговор, Нора.

— С этим я совершенно согласна. Но некоторым заговорам стоило бы научиться быть менее заметными.

Мэй перевернула газету.

— Здесь статья о подготовке шлюза к зимнему сезону. Посмотрите на дату.

Номер вышел за несколько дней до аварии. Заголовок гласил:

«Второй шлюз готов к зимним штормам».

Нора прочитала первые строки. Муниципальная комиссия подтвердила исправность оборудования. Завершающий осмотр провела техническая служба под руководством Артура Лейна. В подготовке участвовали специалисты порта и независимый подрядчик.

— Интересно, — сказала Нора. — Если они объявили шлюз исправным, почему в другой версии акта перечислены неисправности?

— Именно этот вопрос я задаю уже два месяца.

Мэй достала ещё одну папку. На обложке значилось:

АВАРИЯ 2004. ПРЕССА.

Внутри находились вырезки о затоплении складов, работе спасателей и последующем расследовании. Нора просматривала их одну за другой. На фотографии затопленного пирса спасатели стояли по колено в воде. На следующей — повреждённые двери складского помещения.

Дальше — портрет погибшего рабочего. Дэниел Прайс, 42 года. Электромонтёр. Нора остановилась.

— Это он погиб?

— Да, — ответила Мэй. — Во время затопления находил-
ся в нижнем техническом коридоре. Не смог выйти.

— А дежурный, которого обвинили?

— Выжил.

— Где он сейчас?

Мэй не ответила сразу. Она достала ещё одну вырезку. На ней был молодой светловолосый мужчина, выходящий из здания муниципальной комиссии. Нора узнала его мгновенно.

То же узкое лицо. Та же линия подбородка. Тот же внимательный, настороженный взгляд. Четвёртый человек с фотографии.

Подпись гласила:

ТОМАС КИН, 31 ГОД. ДЕЖУРНЫЙ ОПЕРАТОР ПОР-
ТОВОГО ШЛЮЗА № 2.

Нора медленно подняла глаза.

— Значит, это он.

— Да.

— Человек, которого объявили виновным в аварии.

Мэй кивнула.

— Томас Кин.

Нора снова посмотрела на первую фотографию. На ней Кин стоял рядом с тремя людьми, которым город доверил безопасность шлюза. А спустя несколько дней его имя уже печатали под заголовками о халатности.

— Он действительно допустил ошибку? — спросила она.

— По официальной версии — да. Но сам он с этим никогда не соглашался.

Мэй перевернула следующую вырезку. Статья вышла спустя три месяца после аварии. Заголовок:

«Бывший оператор требует пересмотра выводов комиссии».

Нора прочитала её внимательно. Кин утверждал, что первая тревога прозвучала не в шесть тринадцать, как следовало из официального заключения, а значительно позже. Он настаивал, что времени для остановки механизма вручную практически не оставалось.

Комиссия повторно рассматривать обстоятельства отказалась, сославшись на отсутствие новых доказательств.

— Он обращался в полицию? — спросила Нора.

— Писал заявления. Обращался к местным властям. Пытался получить копии технических журналов.

— Получил?

— Судя по газетам, нет.

— А потом?

Мэй закрыла папку.

— В две тысячи пятом уехал из Грейпорта. Больше я о нём не слышала.

Нора посмотрела на лицо Кина.

— Кто-нибудь знает, где он живёт сейчас?

— Возможно, Эдвард. Они работали вместе.

Нора вспомнила разговор в мастерской. «Эвелин знала гораздо больше меня». «В прошлый раз он тоже думал, что сможет всё исправить». Анонимный голос явно знал об аварии.

И знал, что Эдвард снова собирается в аппаратную.

— А когда умерла Эвелин, Кин приезжал? — спросила она.

Мэй удивилась.

— На похоронах я его не видела. А почему вы спрашиваете?

— Пока просто проверяю одну гипотезу.

Она положила перед собой фотографию. Видимо, кто-то из участников тех событий решил вернуться к старой истории. Но почему именно сейчас? Почему не десять лет назад?

Почему не сразу после появления второй версии акта? Нора снова открыла газету с фотографией шлюза. «Второй шлюз готов к зимним штормам». Ниже упоминалась модернизация системы управления.

Она прочитала ещё раз.

— Мэй, а старое оборудование после аварии заменили?

— Не полностью. Часть системы обновили, но резервный привод и аналоговые приборы оставили.

— Включая регистратор событий?

— Насколько мне известно, да.

Нора подняла голову.

— Подождите. Вы хотите сказать, что прибор, который

двадцать два года назад фиксировал сигналы, может до сих пор находиться там?

— Возможно. Но никто не гарантирует, что в нём сохранились записи.

— А что собираются делать завтра?

— Испытать резервный привод перед заменой отдельных элементов. Потом часть оборудования отправят на техническую оценку.

— Куда?

— В мастерские подрядчика.

Нора отложила газету. Вот почему время имело значение. Если оригинальный регистратор действительно сохранился, после завтрашних работ он мог оказаться разобранным, перемещённым или окончательно утраченным. Конечно, старые данные могли исчезнуть ещё двадцать лет назад.

Но проверить это стало бы гораздо труднее.

— Кто отвечает за подрядчика?

— Решения согласовывает Марго Финч. Она руководит муниципальной программой восстановления прибрежных сооружений.

Нора записала фамилию.

— А Мэй, скажите мне ещё одну вещь.

— Какую?

— Почему вы вообще начали искать эти документы два месяца назад?

Мэй неожиданно замолчала. Прежде она отвечала быстро,

почти не задумываясь. Теперь же внимательно разглядывала старую газету.

— Я занималась обычной оцифровкой, — наконец произнесла она.

— Обычной?

— Да.

— И совершенно случайно нашли два противоречащих друг другу акта?

— Именно так.

Нора не отвела взгляда. В разговоре не было явной лжи. Но было знакомое ощущение недосказанности.

— Понятно, — сказала она.

Мэй аккуратно сложила вырезки.

— Вам стоит поговорить с Эдвардом. Он гораздо лучше помнит ту ночь.

— Непременно.

Нора уже собиралась убрать фотографию, когда заметила на её обороте кое-что новое. Под надписью «Не все тогда говорили правду» проступала едва различимая строка. Она поднесла снимок к лампе. Бумага была старой, но чернила на обороте — сравнительно свежими.

Нора изменила угол освещения. Появились буквы, прежде почти невидимые. Не слова, а короткая последовательность:

Б-17 / 2004.

— Мэй, это вам что-нибудь говорит?

Женщина приблизилась. Посмотрела. И резко подняла голову.

— Откуда эта надпись?

— Она была на фотографии.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Мэй осторожно взяла снимок.

— Б-семнадцать — старый архивный шифр. Так обозначали одну из коробок технической документации порта.

— И что в ней?

Мэй несколько секунд не отвечала. Затем тихо сказала:

— Журналы обслуживания второго шлюза.

— Те самые, которые вы ищете?

— Возможно.

— Где коробка?

Мэй положила фотографию на стол.

— В описи она числится утраченной.

Нора медленно улыбнулась.

— Вот теперь становится интересно.

Было почти семь вечера, когда Нора вернулась в бюро. На улице зажглись фонари. За окнами пекарни уже мыли пол, а витрина цветочного магазина напротив погрузилась в темноту. Нора открыла дверь и вошла.

Сначала она ничего не заметила. Пальто повесила на крючок. Сумку поставила у прилавка. Включила настольную лампу.

И только тогда остановилась. На столе лежал блокнот. Рядом — фотография из музея, которую она положила туда утром. А вот старой конторской книги за 2004 год не было.

Дверца шкафа была прикрыта. Всё выглядело так, как она оставила. Она подошла ближе.

Открыла шкаф. Осмотрела верхнюю полку. Нижнюю. Затем коробку, в которой изначально лежал журнал.

Пусто. Нора выпрямилась. В последний раз она видела книгу днём, когда показывала Джоне записи об аварии. Перед уходом в музей положила её на стол в задней комнате.

Теперь книги не было. Она проверила замок входной двери. Повреждений не обнаружилось. Окна были закрыты.

Чужих следов на полу она не заметила. Нора взяла телефон. Открыла фотографии, сделанные утром. На экране появилась страница старого журнала.

Первый предмет. Латунный ключ. Маркировка II. Время поступления — 06:13. Предполагаемая пропажа — завтра, 06:25.

Место — второй портовый шлюз. Эдвард предупреждён. Нора перелистнула к следующей фотографии.

НЕ УСПЕЛА.

Она закрыла глаза. Получалось, кто-то вошёл в запертое здание. Нашёл конкретную книгу. Забрал её.

И ушёл, не оставив заметных следов. Слишком целенаправленно для обычной кражи. Она набрала номер Джоны. Он ответил после третьего гудка.

— Рид.

— У нас проблема.

— Что случилось?

— Из бюро пропала конторская книга.

— Какая именно?

— За две тысячи четвёртый год.

В трубке наступила пауза.

— Вы уверены, что не переложили её?

— Да.

— Дверь взломана?

— Нет.

— Остальные вещи?

— На месте.

Джона выдохнул.

— Ничего больше не трогайте. Я приеду.

— Вы быстро?

— Постараюсь.

Нора отключилась. Она снова осмотрела комнату. Теперь всё казалось подозрительным. Сдвинутый стул.

Чуть приоткрытая дверца шкафа. Пыль на подоконнике. Но больше всего её беспокоило другое. Утром, когда она обнаружила в журнале первую запись, о его существовании не знал никто из тех, с кем она сегодня разговаривала.

Потом она рассказала о книге Джоне. И упомянула её содержание. Саму книгу он видел. В музее же Нора говорила с Мэй о старой аварии, но не показывала ей записи Эвелин.

Эдвард книгу не видел вовсе. По крайней мере, сегодня. Впрочем, в Грейпорте было достаточно людей, которые знали Эвелин задолго до смерти. Нора прошла в переднюю комнату.

На стене возле входа висела деревянная табличка.

БЮРО НАХОДОК ЭВЕЛИН ВЕЙЛ.

Ниже мелкими буквами:

Вещи возвращаются тогда, когда приходит их время.

До сегодняшнего дня Нора считала эту фразу обычным старомодным девизом. Теперь она посмотрела на неё иначе. Если бюро действительно принимало вещи из будущего, существовало простое объяснение тому, почему тётя десятилетиями вела журналы. Эвелин не просто записывала потерянное имущество.

Она пыталась понять закономерность. Найти правила. Возможно, научиться предотвращать события, которые вещи предсказывали. А кто-то теперь решил уничтожить самую раннюю часть её наблюдений.

Нора открыла блокнот. На чистой странице написала:

КТО ЗНАЛ О ЖУРНАЛЕ?

Ниже:

Эвелин.

Эдвард? Джона. Неизвестный отправитель фотографии? Она остановилась.

Посмотрела на последний пункт. Затем перечеркнула вопросительный знак. Потому что именно после получения

старой фотографии она начала искать документы 2004 года. Кто-то мог намеренно направить её к журналу.

А другой человек — или тот же самый — забрать его, как только Нора обнаружила нужную запись. Телефон снова завибрировал. Пришло сообщение от Мэй. «Нора, нашла старую бумажную опись. Коробку Б-17 списали как утраченную в 2005 году. Но в журнале перемещения есть подпись человека, который получил её последним».

Нора немедленно ответила:

«Кто?»

Три точки появились почти сразу. Затем исчезли. Через несколько секунд пришло сообщение. «Эдвард Белл».

Нора опустила телефон. Значит, старый часовщик. Человек, который первым подтвердил существование двух одинаковых часов. Человек, предупреждённый Эвелин перед аварией.

Человек, который завтра собирался снова спуститься в аппаратную. И теперь — последний известный получатель пропавших технических журналов. Нора снова увидела перед собой пустое место, где ещё недавно лежала книга Эвелин. Впервые ей пришла в голову мысль, которую она до сих пор почему-то старательно обходила.

А что, если Эдвард боялся не того, что завтра произойдёт с ним? Что, если он боялся того, что Нора узнает о событиях 2004 года?

Глава 5. Пятый ключ

Джона Рид приехал через двадцать три минуты. За это время Нора успела мысленно обыскать всё бюро, трижды заподозрить Эдварда Белла, дважды оправдать его и прийти к неприятному выводу, что в действительности не знает почти ничего ни об одном из жителей Грейпорта. Особенно о собственной тёте.

Когда полицейский вошёл, она стояла посреди задней комнаты, рассматривая пустое место на столе.

— Вы ничего не трогали? — спросил он.

— Только собственные нервы. Но они, боюсь, восстановлению не подлежат.

Джона огляделся.

— Где лежала книга?

Нора показала.

— Здесь. Рядом с блокнотом. Когда я уходила, она была на месте.

— Во сколько?

— Около половины пятого.

— А вернулись?

— Без нескольких минут семь.

Он записал время.

— Входную дверь запирали?

— Да.

— Окна?

— Закрыты.

— Есть другие входы?

— Задняя дверь. Выходит в переулок за пекарней.

Джона поднял голову.

— Покажите.

Они прошли через узкий коридор, заставленный коробками с чужими вещами. В конце располагалась тяжёлая деревянная дверь с мутным стеклом в верхней части. Джона внимательно осмотрел замок. Провёл пальцем по металлической накладке, посветил фонариком в щель между дверью и косяком.

— Когда в последний раз меняли замок?

— Понятия не имею.

— Эвелин давала кому-нибудь ключи?

— Наверняка. Она ведь управляла этим заведением несколько десятилетий.

— Сколько ключей у вас?

— Два. Один мой, второй лежит в письменном столе. Ещё один я передала агенту по недвижимости.

— А сколько было изначально?

Нора задумалась.

— Не знаю.

Джона ещё раз посмотрел на замок.

— Следов грубого взлома не вижу. Это не исключает вскрытия, но пока больше похоже на то, что дверь открыли ключом.

— Прекрасно. Получается, у нас не только вор, но и веж-

ливый вор. Даже замки не портит.

— Не обязательно вор.

— Человек проник в чужое помещение и забрал чужую вещь. У вас в полиции есть более красивое название?

— Я имею в виду, что пока неизвестно, кто именно и за чем это сделал. Возможно, кто-то считал, что имеет право забрать книгу.

— Тогда пусть вернёт её, прежде чем я найду менее дипломатичное определение.

Джона слегка улыбнулся. Он сфотографировал замок, дверь и заднюю комнату, затем попросил Нору составить список вещей, которые могли пропасть. Она осмотрела стол и ближайшие полки. Старая книга была единственным очевидным исчезнувшим предметом.

— Странно, — произнесла она.

— Что именно?

— Если человек пришёл за деньгами, здесь была касса. Если за ценностями — в шкафу полно серебряных украшений, часов и других предметов. А он забрал книгу, которая практически ничего не стоит.

— Значит, ценность могла заключаться в её содержании.

— Вот именно.

Нора достала телефон и показала сообщение Мэй. Последний получатель архивной коробки Б-17 — Эдвард Белл. Джона прочитал.

— Это ещё не делает его подозреваемым в сегодняшнем

проникновении.

— Вы всегда разрушаете красивые совпадения?

— Особенно если от них зависит репутация живого человека.

Нора убрала телефон.

— Справедливо.

Полицейский посмотрел на часы.

— Белл ждёт меня в мастерской. Поедем поговорим с ним.

— Мы?

— Вы хотели присутствовать при сравнении часов.

— А я уже решила, что вы меня невзлюбили.

— Пока только пытаюсь понять, почему рядом с вами за один день происходит столько необычного.

Нора взяла пальто.

— Поверьте, этот вопрос интересует меня не меньше.

В мастерской Эдварда Белла горел свет. Часовщик сидел за рабочим столом под зелёным стеклянным абажуром. Перед ним лежал разобранный механизм, а рядом стояла чашка давно остывшего чая. Увидев Джону, он отложил инструмент. Заметив Нору, нахмурился.

— Я просил вас не вмешиваться.

— А я просила вас рассказать правду, — ответила она. — Видимо, сегодня вечером мы оба немного разочарованы.

Джона закрыл за собой дверь.

— Мистер Белл, нам нужно поговорить о нескольких ве-

цах. Начнём с часов.

Эдвард вздохнул. Он достал из кармана жилета серебряный экземпляр. Исправный. Стрелки показывали без четверти восемь.

Джона поместил рядом прозрачную упаковку с повреждёнными часами, не извлекая их из неё.

— Это ваша собственность? — спросил он, указывая на исправный экземпляр.

— Да. Семейная вещь.

— А повреждённый?

— Никогда прежде его не видел.

— Однако мисс Вейл утверждает, что оба предмета имеют одинаковые индивидуальные повреждения.

Эдвард кивнул.

— Я сам ей их показал.

— Вы знаете, как это объяснить?

Старик посмотрел на Нору.

— Думаю, она уже догадывается.

— Пока я догадываюсь только о том, что мой сегодняшний день окончательно перестал быть нормальным.

Джона внимательно изучал часы. Его взгляд задержался на глубокой царапине, затем на повреждённом стекле.

— У этих предметов действительно заметное сходство, — признал он. — Но без исследования нельзя утверждать, что это один и тот же экземпляр.

— Один из них я держу в руках, — сказал Эдвард. — Дру-

гой появился там, где его не должно было быть. Мне самому хотелось бы услышать разумное объяснение.

Джона поднял глаза.

— А вы считаете, что знаете неразумное?

Эдвард помолчал.

— Боюсь, да.

Нора решила, что сейчас не лучший момент для очередной лекции о работе бюро. Она положила на стол фотографию 2004 года.

— Тогда начнём с того, что можно объяснить без мистики.

Эдвард узнал снимок мгновенно. Это было заметно по тому, как изменилось его лицо.

— Где вы его нашли?

— Кто-то оставил у меня под дверью.

— Когда?

— Сегодня.

Старик долго рассматривал фотографию. Его пальцы остановились на фигуре Томаса Кина.

— Я не видел этого снимка много лет.

— Кто его сделал? — спросила Нора.

— Мэй Куинн. В то время она иногда фотографировала для местной газеты.

Нора удивилась.

— Мэй?

— Да. Она тогда ещё не работала в архиве.

Джона сделал пометку.

— А почему на газетной фотографии Кина обрезали?

— Не знаю. Возможно, редактору понадобилось уместить её на полосе.

— И всё? — спросила Нора.

Эдвард посмотрел на неё.

— Мисс Вейл, если вы ищете заговор в каждой обрезанной фотографии, у вас очень скоро закончится свободное время.

— Оно закончилось примерно в шесть тринадцать утра.

Старик не улыбнулся. Джона положил на стол ещё один лист — фотографию архивной описи, которую прислала Мэй.

— Вы узнаете эту запись?

Эдвард взял очки. Прочитал. Побледнел.

— Коробка Б-семнадцать.

— В январе 2005 года вы получили её из технического архива порта, — сказал Джона. — В журнале стоит ваша подпись. Обратно коробку не вернули.

Эдвард медленно снял очки.

— Значит, Мэй всё-таки нашла старую опись.

— Что было в коробке? — спросила Нора.

— Документы.

— Вы, несомненно, блестящий рассказчик, мистер Белл. Но мы надеялись на немного большую конкретику.

Он устало потёр лицо.

— Журналы обслуживания. Копии схем. Сведения о про-

верках аварийного привода. И ведомость ключей.

— Каких ключей?

Эдвард посмотрел на часы, лежавшие перед Джоной. Затем на Нору.

— Прежде чем отвечать, скажите: вы нашли самую первую книгу Эвелин?

Она замерла.

— Откуда вы знаете о ней?

— Эвелин рассказывала мне, что сохранила записи о первых поступлениях.

— Да, нашла. Но сегодня вечером книга исчезла.

Часовщик поднял голову.

— Исчезла?

— Кто-то проник в бюро, пока меня не было.

Эдвард медленно опустился на стул. Теперь в его лице читался не страх, а растерянность.

— В таком случае у нас гораздо меньше времени, чем я думал.

— Давайте договоримся, — сказал Джона. — С этого момента никаких загадочных предупреждений. Если у вас есть информация об аварии, документах или возможной опасности, рассказывайте прямо.

Эдвард посмотрел на него.

— Вы знали Дэниела Прайса?

— Электромонтёра, погибшего в 2004 году? Лично нет.

— Мы дружили с детства. Он был хорошим человеком.

— Это имеет отношение к документам?

— Самое непосредственное.

Эдвард открыл ящик рабочего стола и достал старую металлическую коробку. В ней лежали несколько винтов, сломанный часовой механизм и небольшая связка ключей. Он выбрал один. Латунный, потемневший от времени.

На круглой головке была выбита римская цифра.

V.

— Пятый ключ, — произнёс он.

Нора наклонилась ближе.

— От чего?

— От шкафа регистратора.

— Какого регистратора?

— У второго шлюза была старая механическая система контроля. Она не просто подавала тревогу. Отдельный прибор записывал положение затвора и давление на движущуюся бумажную ленту. У него был собственный часовой механизм.

— То есть бумажная запись могла существовать независимо от основного журнала? — спросил Джона.

— Именно.

— И этот прибор сохранился?

— Я не знаю. После аварии помещение опечатали. Позже систему частично модернизировали. Но старый шкаф долгое время оставался на месте.

Нора изучила латунный ключ.

— Почему пятый?

Эдвард разложил перед ними пожелтевшую схему. На ней было изображено пять небольших технических шкафов, каждый со своей маркировкой. I — основной привод. II — аварийная сигнализация.

III — блок питания. IV — резервный привод. V — автономный регистратор. Нора почувствовала, как внутри что-то холодеет.

Она достала телефон. Открыла фотографию первой страницы журнала Эвелин. Латунный ключ. Маркировка II.

— Вот этот, — сказала она.

Эдвард посмотрел. И медленно закрыл глаза.

— Я так и думал.

— Что это значит?

Он поднял голову.

— Двадцать два года назад Эвелин нашла точно такой же ключ. С цифрой два.

— Он принадлежал Томасу Кину?

— Был закреплён за дежурной сменой. Именно этим ключом открывался шкаф аварийной сигнализации. В день аварии Кин не смог его найти.

Нора перечитала запись. Предполагаемая пропажа — завтра, 06:25.

— В шесть двадцать пять?

Эдвард кивнул.

— По его словам, да.

Нора повернулась к Джоне.

— В официальном отчёте первая тревога указана в шесть тринадцать. В другой версии — в шесть двадцать пять.

— Я помню, — ответил он.

— Время пропажи ключа совпадает с моментом, когда, по версии Кина, включилась сигнализация.

— Совпадает, — осторожно согласился Джона. — Но пока это не доказывает, что два события связаны.

Эдвард опустил взгляд.

— Эвелин предупредила меня накануне. Сказала, что завтра произойдёт что-то плохое возле шлюза. Показала ключ, которого ещё никто не терял.

— И что вы сделали? — спросила Нора.

Старик молчал.

— Эдвард?

— Решил, что она ошиблась. Что кто-то принёс ей запасной ключ, а она придумала собственное объяснение.

— Вы никого не предупредили?

— Предупредил Артура Лейна, что Эвелин беспокоится из-за оборудования. Он сказал, что всё проверено.

Эдвард посмотрел на свои руки.

— На следующее утро погиб Дэниел.

В комнате стало тихо. Десятки часов продолжали отсчитывать секунды. Нора наконец поняла, почему Эдвард так боялся завтрашнего испытания. Не только из-за собственной возможной смерти.

Ему уже однажды сообщили о приближающемся несчастье. И он ничего не сумел предотвратить.

— А коробка Б-семнадцать? — спросил Джона.

Эдвард поднял глаза.

— Через несколько месяцев после аварии я понял, что официальные выводы не сходятся с тем, что помнил сам. Но меня не допускали к оригинальным записям. Я попросил коробку с техническими материалами якобы для сверки сервисных номеров.

— И получили её.

— Да.

— Почему не вернули?

Часовщик помолчал.

— Потому что обнаружил следы исправлений. Не доказательства подделки, но достаточно, чтобы усомниться в архивных копиях. Я испугался, что документы исчезнут прежде, чем кто-нибудь сможет их проверить.

— И решили сами изъять их из архива? — уточнил Джона.

— Да. Это было неправильно. Я понимаю.

— Где они сейчас?

— Я передал коробку Эвелин. Она обещала спрятать материалы до тех пор, пока мы не сможем разобраться в их подлинности.

Нора внимательно посмотрела на него.

— То есть тётя хранила пропавшую архивную коробку?

— Возможно, хранила. Я никогда не спрашивал, где именно.

— Почему?

Эдвард горько усмехнулся.

— Потому что не хотел знать.

Джона записал его слова.

— Вы понимаете, что теперь нам потребуется официально проверить эту историю? И ваше объяснение не отменяет вопроса, почему документы не вернули в архив.

— Понимаю.

— Что конкретно содержала коробка, кроме схем и журналов?

— Ведомость обслуживания оборудования. Список лиц, которым выдавали ключи. А главное — старый чертёж аппаратной с расположением регистратора.

— Этот самый регистратор мог сохранить запись аварии?

— Если в шкафу осталась лента за тот день — возможно. Она могла бы подтвердить время изменения положения затвора. А если были нанесены временные отметки, мы смогли бы сравнить их с журналами сигнализации.

— Но за двадцать два года прибор могли разобрать, — заметила Нора.

— Именно поэтому я хотел попасть туда завтра.

Джона посмотрел на ключ V.

— Почему не раньше?

— После аварии доступ в старую аппаратную ограничи-

ли. Потом оборудование оказалось выведено из эксплуатации. У меня не было законного основания самостоятельно открывать шкаф. Мэй попыталась получить разрешение на осмотр, но ей отказали до окончания испытания.

— И вы решили воспользоваться завтрашней проверкой?

— Да. Меня включили в группу консультантов по старому оборудованию.

Нора указала на ключ.

— Почему вы до сих пор храните его?

— Потому что я отвечал за настройку часов регистратора. Этот ключ был выдан мне в 2004 году. Официально его так и не потребовали обратно.

Он осторожно положил ключ на стол.

— И потому что я всю жизнь надеялся однажды узнать, что именно произошло тем утром.

Ей стало жаль старика. Но вопросы от этого никуда не делись.

— Эдвард, если вы действительно хотели сохранить документы, почему не рассказали о них полиции ещё двадцать лет назад?

— Рассказал бы, если бы мог доказать, что они подлинные.

— А почему нельзя было передать их хотя бы на экспертизу?

Часовщик отвёл глаза.

— Потому что некоторые записи могли указывать на мою

собственную ошибку.

Нора замерла.

— Какую ошибку?

Эдвард покачал головой.

— Это я пока не готов обсуждать.

Джона выпрямился.

— Тогда скажу прямо. Если вы располагаете сведениями, которые имеют отношение к гибели человека или возможной опасности при завтрашнем испытании, скрывать их не стоит.

— Я понимаю.

— Вы можете обратиться с адвокатом, если опасаетесь ответственности. Но я всё равно должен проверить обстоятельства, о которых вы рассказали.

Эдвард молча кивнул. Нора посмотрела на него. Ответов стало больше, но вместе с каждым возникали новые вопросы.

* * *

Когда они вышли из мастерской, уже стемнело. Дождь снова начался — мелкий, холодный, почти невидимый в свете фонарей. Джона предложил подвезти её до бюро. Нора согласилась.

Несколько минут они ехали молча. Потом она спросила:

— Вы ему верите?

— Частично.

— Очень полицейский ответ.

— А вы?

— Не знаю. Он явно испытывает чувство вины. Но виноватым можно чувствовать себя и без совершения преступления.

— Верно.

— И всё же он скрывает что-то ещё.

— Похоже на то.

Нора посмотрела в окно.

— Если пятый ключ действительно открывает регистратор, зачем кому-то красть книгу Эвелин? Там ведь были записи о вещах, которые поступали в бюро, а не техническая документация.

— Возможно, вор этого не знал, — ответил Джона. — Или искал не технические данные.

— А что?

— Например, запись, которая могла бы указать на конкретного человека.

Нора задумалась. В книге за 2004 год было не так много страниц. По крайней мере, ей не показалось, что много. Она успела прочитать только первые записи.

Но ведь Эвелин продолжала вести журнал ещё какое-то время. Что появилось в бюро после ключа? Кто потерял следующую вещь? И почему неизвестному человеку понадобилось забрать всю книгу, а не вырвать несколько страниц?

— Есть ещё кое-что, — сказал Джона.

Он остановился возле пекарни.

— Когда мы осматривали заднюю дверь, я заметил камеру над служебным входом пекарни. Она направлена в переулок, где находится выход из вашего бюро. Я договорился с владельцем, он согласился предоставить запись.

Нора повернулась к нему.

— И вы говорите об этом только сейчас?

— Хотел сначала убедиться, что камера действительно работала.

Он достал телефон.

— Запись уже прислали.

Видео было снято в 17:48. Картинка оказалась неожиданно чёткой. Камера смотрела на узкий переулок между пекарней и зданием бюро. На асфальте блестели лужи.

У мусорных контейнеров стояли пустые хлебные ящики. В верхнем правом углу мерцала дата. На протяжении нескольких секунд ничего не происходило. Затем в кадре появился человек.

Тёмный плащ с капюшоном. Невысокий рост. В правой руке — зонт. В левой — небольшая кожаная сумка.

Человек приблизился к задней двери бюро. Нора наклонилась ближе.

— Вот он.

На видео незнакомец остановился у замка. Оглянулся. Затем убрал что-то в карман, протянул руку к двери и открыл её. Без видимых усилий.

— Ключ, — сказала Нора.

— Вероятно, — согласился Джона.

Фигура исчезла внутри. Изображение продолжало показывать пустой переулок. Джона перемотал запись. Через восемь минут человек появился снова.

Сумка теперь выглядела заметно толще. Незнакомец закрыл дверь, раскрыл зонт и быстро направился в сторону улицы. Лица камера так и не зафиксировала. Нора вздохнула.

— Ну хотя бы понятно, что книгу забрал не полтергейст.

— Уже неплохо.

— А что ещё видно?

— Одежда, сумка, примерный рост. Возможно, удастся найти другие камеры по маршруту. Я также выясню, кому выдавали ключи от помещения.

Нора почти не слушала. Она смотрела на последний кадр. Незнакомец стоял под раскрытым зонтом. Сам зонт был тёмным.

Почти чёрным. Но ручка... Нора поднесла телефон ближе.

— Перемотайте немного назад.

Джона посмотрел на неё.

— Что?

— Момент, когда он раскрывает зонт.

Полицейский вернул запись. Незнакомец достал зонт из-под руки. Нажал на механизм. Ткань раскрылась.

И на секунду в кадре отчётливо показалась изогнутая пла-

стиковая ручка. Ярко-жёлтая. Нора выпрямилась.

— Нет.

— Что?

Она смотрела на экран.

— Не может быть.

— Нора?

— Мне нужно обратно в бюро.

— Зачем?

— Я хочу кое-что проверить.

Через пять минут они уже стояли перед полкой с найденными вещами. Нора включила верхний свет. Протянула руку. И достала старый чёрный зонт.

С жёлтой пластиковой ручкой. Возле её основания проходила небольшая трещина. Джона посмотрел на находку.

— Похож.

— Очень.

— Таких зонтов может быть много.

— Согласна.

Нора повернула ручку. На внутренней стороне пластика обнаружилась узкая полоска синей изоленды, наклеенная вокруг повреждённого участка. Она снова посмотрела на кадр с камеры. Попросила Джону увеличить изображение.

Разрешения едва хватало, но у основания жёлтой ручки действительно виднелась тёмная полоска.

— Это уже интереснее, — признал он. — Но не доказательство. Нужно найти сам зонт у человека с записи и срав-

нить.

Нора молчала. Её внимание было приковано к маленькой бумажной бирке, привязанной к ткани. Утром она видела эту вещь. Но, занятая часами Эдварда, даже не прочитала, когда её предполагалось потерять.

Теперь Нора развернула бирку. На ней стояла дата.
СРЕДА.

Ниже — время.

18:05.

Нора почувствовала, как сердце забилось быстрее. Сегодня был вторник. Человек на видеозаписи держал зонт в руках. И если закономерность бюро действительно работала, завтра этот зонт должен был быть потерян.

Необязательно его владельцем. Необязательно при совершении преступления. Но человеком, который сегодня вечером использовал его, чтобы скрыть лицо при проникновении в бюро.

— Джона, — тихо сказала она, — у нас появилась возможность найти этого человека.

Полицейский перевёл взгляд с бирки на экран телефона.

— Какая?

Часы показывали 21:17. До шести тринадцати утра оставалось почти девять часов. До испытания шлюза — чуть больше четырнадцати.

А до предполагаемой потери зонта — почти двадцать один час. Она положила зонт на стол, стараясь не задеть бир-

ку.

— Объяснение прозвучит совершенно безумно.

Джона убрал телефон в карман.

— За сегодняшний день я услышал достаточно странного. Попробуйте.

Нора дала словам отзвучать, затем взяла конторскую книгу за текущую неделю. Положила её рядом с зонтом. Открыла на сегодняшней странице.

— Вы спрашивали, почему я была уверена, что часы Эдварда будут потеряны завтра в одиннадцать сорок две.

— Да.

— Я не сказала вам правду.

Джона перестал улыбаться. Нора повернула книгу к нему.

— Думаю, теперь пора.

Глава 6. Правило возвращения

Джона Рид смотрел на конторскую книгу уже почти минуту. Нора терпеливо ждала. Она прекрасно понимала, что произойдёт дальше. Полицейский задаст несколько вопросов, предложит вполне разумное объяснение и, возможно, посоветует ей отдохнуть. Последнее особенно раздражало.

С тех пор как Нора приехала в Грейпорт, ей столько раз советовали отдохнуть, что она начинала подозревать существование какого-то тайного муниципального распоряжения. Наконец Джона поднял голову.

— Вы хотите сказать, что эта книга предсказывает буду-

щее?

— Я хочу сказать, что она содержит сведения о вещах, которые ещё не потеряли.

— Это немного другое.

— Именно.

Он снова посмотрел на страницу. Карманные часы. Э. Б. Среда, 11:42. Чёрный зонт с жёлтой ручкой. Среда, 18:05. Детская варежка. Среда, 16:08.

— И эти записи появились сегодня утром?

— Да.

— Вы видели, как их записывали?

— Нет.

— А как появились сами предметы?

— Тоже не видела.

Джона закрыл книгу.

— Тогда откуда вы знаете, что кто-то не положил их сюда заранее?

— Не знаю.

Такого ответа он явно не ожидал.

— Не знаете?

— Нет. Именно поэтому я и хочу разобраться. Я не прошу вас немедленно поверить в волшебное бюро находок. Я прошу посмотреть на факты, которые у нас есть.

Нора указала на зонт.

— Сегодня в семнадцать сорок восемь человек с таким зонтом проник в здание и украл журнал. Но зонт с такими

же повреждениями лежал здесь с самого утра.

— По вашим словам.

— По моим словам, — согласилась она. — А завтра в восемнадцать ноль пять этот человек, возможно, потеряет свой зонт.

— Возможно.

— И если мы его найдём, у нас появится способ установить, кто украл книгу.

Джона некоторое время молчал.

— Даже если всё, что вы говорите, правда, предмет не обязательно потеряет именно тот человек, которого мы видели на записи.

— Знаю. Зонт могли одолжить, украсть или передать кому-то ещё.

— Кроме того, запись с камеры не позволяет однозначно установить, что ручка принадлежит именно этому зонту.

— Знаю и это.

— И вы всё равно хотите использовать бирку как основание для расследования?

Нора задумалась.

— Нет. Я хочу использовать её как подсказку, которую можно проверить. Разницу я понимаю.

Джона чуть заметно улыбнулся.

— Хороший ответ.

— Не привыкайте. Я не собираюсь всю жизнь оправдываться перед полицией.

Он повернулся к стеллажам.

— Допустим, мы захотим проверить ваше предположение. Что нам потребуется?

— Предмет, который должен потеряться в ближайшее время.

— И человек, у которого он сейчас находится.

— Желательно.

— Причём событие должно происходить независимо от нас.

Нора ответила кивком.

— Именно.

Настенные часы показывали двадцать один двадцать три.

— До полуночи осталось меньше трёх часов.

— Значит, поищем что-нибудь за понедельник.

Она направилась к шкафу. Конторская книга за понедельник лежала на средней полке. Нора открыла её на последней заполненной странице. В списке было пять предметов.

Серебряная серьга. Детский свисток. Ключ с зелёной пластиковой головкой. Небольшой медный колокольчик.

Мужской бумажник. Напротив каждого значилась дата предполагаемой пропажи. Вторник. Нора стала читать время.

Серьга — 08:26. Свисток — 13:14. Ключ — 17:02. Колокольчик — 22:04.

Бумажник — 23:37.

— Вот, — сказала она.

Джона подошёл ближе.

— Колокольчик?

— Двадцать два ноль четыре. Через сорок одну минуту.

Он внимательно прочитал запись. Под названием предмета имелось примечание:

Медь. Синяя лента на дужке. Пекарня Розы.

Джона поднял брови.

— Пекарня Розы находится через дорогу.

— Знаю. Пахнет оттуда восхитительно, хотя сами булочки подозрительно дорогие.

— Роза Марш давно знакома моей семье. У неё действительно есть колокольчик возле двери в пекарский цех. Им пользуются курьеры, когда приходят ночью за хлебом.

Нора посмотрела на него.

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— Прекрасно. Тогда у нас появился вполне доступный эксперимент.

— Пока только возможность проверить совпадение.

Нора открыла ящик с вещами, поступившими в понедельник. Среди очков, ключей и маленького кожаного футляра лежал колокольчик. Небольшой, медный, с деревянным язычком. К дужке была привязана узкая синяя лента.

Один её конец оказался оборван. На боковой поверхности виднелась свежая вмятина. Нора подняла колокольчик. Он оказался неожиданно тяжёлым.

На внутренней стороне ободка были выгравированы две буквы:

R. M.

— Роза Марш, — тихо сказала она.

Джона взял предмет и осмотрел его.

— Возможно.

— Только не говорите, что у половины города есть колокольчики с её инициалами.

— Не буду.

Он сфотографировал колокольчик с нескольких сторон. Особенно тщательно — оборванную ленту и вмятину. Потом записал время.

— Двадцать один двадцать семь, — произнёс он. — У нас есть тридцать семь минут.

Нора взяла с полки ежедневник Эвелин.

— Я хочу проверить кое-что ещё.

— Что именно?

— Здесь постоянно встречается слово «возвращено». Но почему-то не во всех записях указано, кому и когда вернули предмет.

Она перелистала несколько страниц. Внизу одной из них обнаружился приклеенный пожелтевший листок. Нора прочитала его вслух:

— «Не отдавай вещь прежде, чем её потеряют. Сначала должна произойти утрата. Только потом возвращение».

Под надписью стояли инициалы Эвелин. Джона посмот-

рел на колокольчик.

— Значит, его не следует отдавать владелице до десяти ноль четыре.

— Похоже на то.

— А почему?

— Этого тётя не объяснила.

Нора перевернула листок. На обратной стороне было написано всего одно предложение. «Предупреждая человека, помни: иногда именно предупреждение становится причиной случившегося». Она нахмурилась.

— Очень обнадёживает.

Джона прочитал запись.

— Возможно, ваша тётя просто имела в виду обычную человеческую психологию.

— Например?

— Представьте, что я скажу вам: завтра вы обязательно упадёте на лестнице. Вы начнёте следить за каждой ступенькой, нервничать и в итоге действительно можете упасть.

Нора посмотрела на часы.

— Значит, мы должны наблюдать и ничего не менять.

— Если вообще решим проводить такой эксперимент, — уточнил он. — И без риска для людей.

Она положила листок обратно.

— Договорились.

* * *

В двадцать один сорок две они вошли в пекарню через

служебный вход. Роза Марш оказалась невысокой женщиной лет шестидесяти, с густыми седыми волосами и лицом человека, который привык вставать раньше солнца. На ней был белый фартук, покрытый мукой. В руках она держала противень.

— Джона Рид! — воскликнула она. — Если тебя прислала мать, передай ей, что я не собираюсь печь ещё один пирог на воскресенье.

— Мама ничего не передавала.

— Тогда что случилось?

— Нужно кое-что проверить. И ещё раз поговорить о записи с камеры.

Роза поставила противень на стол.

— Я же отправила тебе видео.

— Да, спасибо. Оно помогло.

— Надеюсь, вы поймаете того мерзавца. У нас здесь раньше даже велосипедные замки не закрывали.

Нора представилась. Роза немедленно выразила соболезнования по поводу Эвелин, затем сообщила, что тётя любила пироги с ревенем и всегда брала два, хотя утверждала, что покупает исключительно для гостей. Нора с удивлением поняла, что впервые услышала о своей тёте что-то совершенно обычное. Не о загадочном бюро.

Не о потерянных вещах. Просто о женщине, которая любила сладкое и, вероятно, не желала в этом признаваться.

— Она была хорошим человеком, — сказала Роза. —

Странноватым, конечно. Но хорошим.

— Мне уже говорили.

— И правильно говорили.

Джона указал на заднюю дверь. Над ней висел маленький медный колокольчик. С синей лентой на дужке. Нора почувствовала знакомый холодок.

Колокольчик был точно таким же, как лежавший в её сумке. Только лента оставалась целой. И на корпусе не было вмятины.

— Роза, — сказал Джона, — давно у вас этот колокольчик?

— Лет сорок. Мама подарила, когда я открыла первую пекарню.

— На нём выгравированы ваши инициалы?

— Да. А что?

— Просто хотим убедиться.

Роза посмотрела на него с подозрением.

— Джона, ты не собираешься сообщить, что кто-то украл мой колокольчик? Потому что, если он до сих пор висит над дверью, это будет самый странный случай в истории вашей полиции.

Нора отвернулась, скрывая улыбку.

— Пока нет, — ответил он.

Роза вздохнула.

— Тогда стойте здесь и не мешайте. У меня через двадцать минут приедет машина за утренней партией хлеба.

Она направилась к тестомесильной машине. Нора сверилась с телефоном.

21:48.

Шестнадцать минут. Следующие десять минут оказались удивительно долгими. Джона делал вид, что изучает служебный коридор и расположение камер. Нора наблюдала за дверью.

Колокольчик висел неподвижно. Роза занималась тестом. В глубине цеха работала большая электрическая печь. Нора старалась не смотреть на часы каждые несколько секунд.

Получалось плохо.

21:57.

22:00.

22:02.

— Может быть, нам вообще не стоило сюда приходить, — тихо сказала она.

— Почему?

— Если ничего не произойдёт, я окончательно выставлю себя сумасшедшей.

— Не обязательно.

— А если произойдёт?

Джона взглянул на неё.

— Тогда у нас появятся новые вопросы.

Из-за двери слышался шум двигателя. Роза подняла голову.

— Вот и машина.

Она сняла с крючка ключи и направилась к служебному выходу. Нора сверилась с телефоном.

22:03.

На экране сменились секунды. Роза потянулась к дверной ручке. И вдруг Нора увидела, что верхний крепёж колокольчика слегка отошёл от стены. Возможно, так было всегда.

Возможно, ей только показалось. Но когда Роза толкнула тяжёлую дверь, колокольчик качнулся. Синяя лента натянулась.

— Осторожно! — вырвалось у Норы.

Роза обернулась.

— Что?

Нора шагнула вперёд. Она хотела придержать колокольчик, не дать ему сорваться. Но задела плечом край передвижного стеллажа. Тот покатился.

Джона попытался его остановить. Роза рефлекторно отступила. Дверь резко захлопнулась под порывом ветра. Раздался металлический звон.

Колокольчик сорвался с крепления. Ударился о край чугунной печи. Отскочил. И исчез в узком зазоре между тяжёлым оборудованием и полом.

Нора застыла. На телефоне было:

22:04.

Никто не двигался. Затем Роза медленно повернулась к ним.

— Вы двое сейчас серьёзно?

Джона опустил руку. Стеллаж остановился в нескольких сантиметрах от стены.

— Простите, Роза.

— Вы пришли проверять колокольчик и умудрились его сломать?

Нора не ответила. Она смотрела на пустой крючок над дверью. Синей ленты там больше не было.

— Он упал за печь, — сказал Джона. — Попробуем достать.

Роза подошла к оборудованию. Наклонилась. Посветила телефоном в щель.

— Там техническая ниша под полом. Чтобы добраться, придётся останавливать печь и отодвигать весь блок.

Она выпрямилась.

— Замечательно. Теперь у меня ещё и колокольчик потерялся.

Нора почувствовала, как по спине пробежал холод. Потерялся. Роза произнесла это слово совершенно обыденно. Но на бирке, прикреплённой к предмету в сумке Норы, было указано именно это время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.